

Глава 6. Суматоха

Пижама висела на Чи Нане мятым мешком. То ли он только собирался лечь, когда его разбудили крики и суета, то ли спросонья натянул первое, что попало под руку, и выскочил на улицу.

Впрочем, зная их обычные отношения, первый вариант казался куда более вероятным. Чи Хань, всегда относившийся к Мо Ханю как к заклятому врагу, хоть и торчал среди толпы, но уж точно не рвался прочёсывать окрестности.

Дом директора приюта стоял прямо за главным корпусом, так что дежурной воспитательнице понадобилось всего три минуты, чтобы разбудить его и привести на место. Кому понравится, когда среди ночи вырывают из сладкого сна? Он, конечно, злился, но положение обязывало держать марку и не портить годами выстраиваемый образ добродушного, заботливого покровителя.

подавив зевоту и напустив на себя участливый вид, он вежливо спросил:

— Мо Хань, может, у тебя стряслось что-то? Что на душе беспокойно? Ты не броди по ночам, мало ли что может случиться.

Мо Хань сразу покаялся.

— Простите, директор. Простите, что переполошил всех, — пробормотал он послушно, словно ласковый котёнок. — Не хотел заставлять вас волноваться.

Директор, человек проницательный, незаметно оглядел парня с ног до головы. Одежда чистая, ссадин нет — судя по всему, обошлось без происшествий.

— Ну, главное, что вернулся целый и невредимый. Время позднее, ступай спать. А если тебя что-то гложет... может, стоит показать тебя врачу? Ты ведь... Ладно, пустое. Ты и сам измучился, отдыхай.

Директор прекрасно всё понимал. Он давно догадывался, почему Мо Хань сам не свой. Они с Чи Юэ были не разлей вода, и внезапная смерть друга подкосила парня. Горевала вся община, но Мо Ханю пришлось тяжелее всех. Впрочем, расспрашивать сейчас не имело смысла — это только растревожило бы рану.

Мо Хань кивнул и ещё раз извинился перед всеми, кого поднял на ноги посреди ночи. Когда толпа разошлась, они с Чи Нанем двинулись к жилому корпусу.

Разумеется, следом за ними вразвалочку шествовал призрак Чи Юэ, ничуть не растерявший своей барской грации даже после смерти.

На душе у Мо Ханя потеплело — осознание того, что любимый вернулся, вернуло ему вкус к жизни. И тут же проснулось непреодолимое желание позубоскалить. Ему до смерти хотелось узнать: почему из всех приютовских ребят именно Чи Нань увязался за взрослыми на поиски? Ведь тот, сколько себя помнил, терпеть его не мог.

Едва Чи Нань подошёл к своей комнате, Мо Хань ловко обогнал его и перегородил дорогу.

— Чего тебе? — сухо спросил Чи Нань.

Мо Хань расплылся в довольной улыбке. Облокотившись на косяк и подбоченившись, он с задорным прищуром протянул:

— Какие чудеса творятся! Ты же вроде на дух меня не выносишь? С чего вдруг побежал с директором по кустам меня вылавливать?

— Хотел своими глазами увидеть твой труп, — буркнул Чи Нань.

Какая кровожадность! И не лень же было ради этого вставать в такую рань.

— Признайся, совесть замучила? — не унимался Мо Хань. — Решил загладить вину за дневные гадости? Испугался, что я с горя руки на себя наложу?

Чи Нань демонстративно принялся разглаживать складки на рукаве.

— Ну и самомнение у тебя.

— А как иначе? Если сам себя ценить не будешь, от других этого точно не дождёшься, — парировал Мо Хань, ловко перевернув чужую шпильку против её же создателя.

— Ты ради этих банальностей мне дорогу загородил? — вздохнул Чи Нань. — Если поток красноречия иссяк, дай пройти. Я спать хочу, в отличие от некоторых у меня нет сил на ночные бдения.

Мо Хань лукаво прищурился, отчего его взгляд стал чертовски притягательным.

— Иди-иди. Считай это моей щедростью за то, что ты сегодня послушно вышел меня искать.

Скрестив руки на груди, он с победным видом зашагал прочь. Чи Нань лишь посмотрел ему вслед, мысленно ставя ему один за другим неутешительные диагнозы.

Вернувшись в комнату, Мо Хань запер дверь на замок, а для верности подпёр её стулом. Затем

тщательно закрыл и задвинул шпингалеты на окнах. Только после этого он повернулся к своему призрачному гостю:

— Ну вот, теперь никто не подсмострит. Мы в безопасности.

Чи Юэ недоуменно вскинул брови:

— Меня и так никто, кроме тебя, не видит. С чего такие меры?

Мо Хань покачал головой:

— Тебя — нет, а вот меня... Если кто-то услышит, как я тут сам с собой разговариваю, решит, что я окончательно рехнулся на почве горя. Да и мало ли — вдруг нам попадётся ещё один медиум? Увидит твой разгуливающий труп и от страха концы отдаст.

Чи Юэ сладко потянулся и с удовольствием развалился на кровати:

— А ты предусмотрителен.

Мо Хань неторопливо подошёл к постели. Склонившись над лежащим парнем, он заглянул ему в лицо. Он смотрел на него в полумраке с такой неистовой нежностью и тоской, какую невозможно сыграть. Все эти беззвучно оплаканные ночи, когда он думал, что потерял А-Сюаня навсегда, сжались в один щемящий комок.

Ему хотелось высказать всё, что накипело на сердце, этому невыносимому, властному наглецу, без которого он просто не умел жить. Но слова застревали в горле.

Чи Юэ и сам поразился. Его не было всего-то дней десять, а Мо Хань изменился до неузнаваемости — стал таким ранимым... и таким манящим.

Одним резким движением Чи Юэ перевернулся, увлекая Мо Ханя за собой и прижимая к матрасу. Он не выдержал — приник поцелуем к дрожащим векам возлюбленного. Длинные ресницы Мо Ханя трепетали под его губами, словно лепестки дикой вишни под порывом тёплого ветра.

Страсть захлестнула их с головой. Дыхание сбилось, они слились в горячем, неистовом поцелуе. Они жадно ласкали друг друга, словно два изголодавшихся хищника, стремящихся раствориться, поглотить друг друга без остатка. Нежность и дикое, первобытное желание сплелись воедино, удушливой волной накрывая сознание.

Наконец они оторвались друг от друга, тяжело дыша. Мо Хань лениво ухмыльнулся.

— Скажи, А-Сюань, — прошептал он, пытаясь восстановить дыхание, — я так однажды концы не отброшу? Вдруг ты выпьешь из меня всю энергию Ян?

— А ты будешь против? — усмехнулся Чи Юэ, забавляясь его наигранной тревогой.

— Пожалуй, нет. Двум смертям не бывать, а за такую ночь и умереть не жалко.

Чи Юэ легонько коснулся его губ своими:

— Красиво говоришь. Только умереть от любви здесь светит тебе. Я-то своё уже отжил.

Мо Хань похлопал его по плечу, давая понять, что пора подниматься. Как бы ни были сладки эти мгновения, выпускной класс сам себя не окончит — запускать учёбу сейчас было никак нельзя.

— Вот именно. Так что мне пора за учебники, иначе так и останусь неучем.

Чи Юэ удивлённо склонил голову набок:

— Ты что, серьёзно собрался зубрить? И тебе совсем меня не жалко? Сбежишь к своим книжкам?

— С превеликим удовольствием.

— Да ладно тебе! — запротестовал призрак. — Ты же одной левой любые экзамены сдаёшь. На кой чёрт тебе эти пыльные талмуды? Лучше на меня любуйся.

— Много ты понимаешь, — фыркнул Мо Хань. — Одно дело — природная сообразительность, и совсем другое — реальный результат. Ты на Сяо Наня посмотри: пацану всего четырнадцать, а он уже в десятом классе! А я старше его, но до сих пор в выпускном торчу. Чувствуешь разницу?

«Ишь, выискался правильный!» — мысленно возмутился Чи Юэ. Спускать такое нельзя, иначе как потом доказывать, кто в доме хозяин?

Пользуясь тем, что даже после смерти не растерял ни капли своей недюжинной силы, он легко подхватил Мо Ханя на руки и бесцеремонно швырнул обратно на постель.

— Мы вообще-то только начали, — ухмыльнулся он, нависая сверху. — Не надейся, что так легко отделаешься.

— Пусти! — зашептал Мо Хань, отчаянно пытаясь вырваться. — Сяо Нань за стеной спит! Он же не знает, что ты здесь. Услышит шум — решит, что я тут втихаря порнуху на полную громкость смотрю и непотребствами занимаюсь! Позору же не оберусь!

Но Чи Юэ было не остановить. Он уже завёлся, и он уверенно избавлял Мо Ханя от одежды.

— А ты потише стони, — хрипло выдохнул он. — Будешь шуметь — я тебе рот зажму.

Мо Хань округлил глаза:

— Чи Вэйсюань, твою мать, ты...

Чи Юэ слов на ветер не бросал. Прежде чем Мо Хань успел договорить, он крепко прижал широкую ладонь к его губам, заглушая любые протесты.

Он навалился на него всем телом, не давая пошевелиться, а дальше всё пошло по давно знакомому сценарию. До глубокой ночи в тесной комнатке слышались лишь приглушённые вздохи, шорох простыней и хриплые, прерывистые стоны.

Утром Мо Ханя кое-как разбудил внутренний будильник. По привычке потянувшись, он размахнулся и с глухим стуком ударил рукой по матрасу.

Прошла секунда, другая... И тут до него дошло: рядом никого нет!

Он резко обернулся. Чи Юэ лежал на прежнем месте, безмятежно растянувшись на подушке. Мо Хань приподнялся на локте и осторожно протянул руку, пытаясь коснуться его щеки.

Он поймал лишь пустоту, легко пройдя сквозь призрачное тело. Никакого тепла, никакой осязаемой мягкости, что кружила ему голову несколько часов назад.

Мо Хань в растерянности попробовал снова и снова, но он неизменно утыкался пальцами в простыню под призраком.

Как же так? Ведь ночью всё было настоящим: и крепкие объятия, и обжигающие поцелуи, и сладостное безумие близости. Куда всё испарилось? Почему сейчас он не может даже прикоснуться к нему?

— А-Сюань? — встревоженно позвал он. — А-Сюань!

К счастью, тот его слышал.

— М-м-м? Что такое? — сонно пробормотал Чи Юэ. Его глубокий бархатистый голос, хриплый после сна, сейчас звучал особенно притягательно.

Поскольку Мо Хань не мог потрясти его за плечо, ему оставалось лишь вцепиться в одеяло.

— Что происходит? Я снова не могу до тебя дотронуться.

Чи Юэ окончательно проснулся. Он попытался ткнуть Мо Ханя пальцем в плечо, но он беспрепятственно прошёл насквозь.

— Странно, — протянул Чи Юэ, взъерошив и без того лохматую шевелюру. — Может, у меня при свете дня пропадает осязаемость?

Ну конечно. Призрак — он и есть призрак. Днём его физическая оболочка уступала место бесплотному духу.

Мо Хань немного успокоился:

— Всё верно, ты же покойник. Твоё время — ночь. И хотя солнце тебе не вредит, не вздумай глупить при свете дня.

Чи Юэ лишь отмахнулся от его нотаций. При жизни он был порядочным человеком, да и после смерти в злобные духи записываться не планировал. Чего ему хулиганить?

— Меня никто не видит, какие глупости я могу натворить?

Не пугать же прохожих ради забавы, в самом деле.

Мо Хань нехотя выбрался из постели. Ночью пришлось изрядно попотеть, так что он, преодолевая ломоту во всём теле, быстренько принял душ, пожертвовав драгоценными минутами утреннего сна.

— Всё может быть, — ворчал он, натягивая одежду. — Захочешь ты, например, пить. Зайдёшь в магазин, возьмёшь бутылку минералки и пойдёшь себе. Представь лицо несчастного продавца, у которого перед носом бутылка сама по воздуху полетит! Человек же заикой останется.

Надев просторные спортивные штаны, которые, впрочем, ничуть не скрывали длину его стройных ног, Мо Хань вышел в коридор и направился к умывальникам.

Из-за затянувшихся ночных утех Мо Хань сегодня припозднился. Когда он вошёл в душевую, Чи Нань уже закончил умываться и как раз собирался уходить.

— О, уже на ногах? — дружелюбно окликнул его Мо Хань.

Чи Нань даже не повернул головы. Проигнорировав Мо Ханя с поистине королевским пренебрежением, он молча прошёл мимо. Мо Хань лишь пожал плечами и взялся за зубную щётку.

Пока намылившийся Мо Хань, потирая ноющую поясницу, приводил себя в порядок, Чи Нань успел обосноваться за столом и теперь неторопливо хлебал кашу.

Бесплотный и полупрозрачный Чи Юэ вальяжно выплыл из спальни и шутливо подмигнул Мо Ханю. Тот от неожиданности на мгновение потерял бдительность и с улыбкой брякнул:

— А, проснулся уже?

Чи Нань замер с ложкой во рту и уставился на него как на сумасшедшего, гадая, с кем это разговаривает этот придурок.

Чи Юэ тут же приложил палец к губам и выразительно указал на Чи Наня. До Мо Ханя наконец дошло, как глупо он подставился. Сердце испуганно ёкнуло, но он быстро взял себя в руки. С невозмутимым видом пройдя на кухню, он налил себе порцию рисовой каши и уселся напротив Чи Наня.

Чи Нань ел на редкость аккуратно — ни единой капли не ронял ни на стол, ни на подбородок. Не родился он в сиротском приюте, из него вполне мог бы получиться утончённый молодой господин из высшего общества.

Мо Хань попытался завязать разговор, но, глядя на это холодное лицо, не нашёл ничего умнее, кроме банального:

— Ну как... тяжело учиться?

Чи Юэ, который уже успел устроиться на соседнем стуле, от такого вопроса прыснул от смеха.

Мо Хань мысленно закатил глаза, наградив наглого призрака самым свирепым взглядом, на какой был способен. Благо Чи Нань не поднимал головы от тарелки, иначе лишних вопросов было бы не избежать.

— Скука, — коротко бросил Чи Нань.

Мо Хань подпёр щеку ладонью и принялся лениво помешивать кашу.

— Скучно учиться или скучно со мной разговаривать?

В светлой столовой утреннее солнце приятно бликовало на фарфоровой посуде.

Чи Хань доел остатки каши, аккуратно отставил пустую пиалу и ровно положил палочки на подставку.

— Ты сегодня на удивление болтлив, — отрезал он своим обычным ледяным тоном.

И то верно. За вчерашний вечер и сегодняшнее утро они поговорили больше, чем за предыдущие полгода.

Впрочем, Мо Ханя это мало заботило. Теперь, когда у него за спиной стоял его личный защитник, ему казалось, что он может горы свернуть.

<http://bllate.org/book/19807/2029174>